

Три фрагмента

* * *

Мир прост.

Он таков, каким мы его видим.

Мироустройство идеально.

Тот, Кто Создал Его, расставил все по местам, привел в движение и исчез.

В центре находится Земля. Чтобы это понять, не нужно быть Аристотелем — достаточно поднять голову и посмотреть на небо. Или закрыть глаза и заглянуть в себя. Аристарх очевидно сумасшедший, чтобы утверждать обратное.

Идеальная сфера небосвода окружает идеальную сферу Земли; последняя неподвижна и ничтожно мала по сравнению со Вселенной, и небосвод безостановочно вращается вокруг нее. Планеты скользят вдоль идеальных окружностей, которые нанизываются одна на другую, образуя деференты и эпициклы. Звезды застыли на местах, формируя сферические треугольники и складываясь в созвездия.

Это просто.

Сложность в точности, которая недоступна глазу.

Без точности нет науки. Без науки нет будущего.

Точность требует математики. Астрономия требует идеальной точности.

Отсюда "Математическое построение". Тринадцать книг, больше тысячи звезд, все пять планет, Луна и Солнце. Теперь я знаю, где они находились сотни лет назад, где находятся сегодня и где будут находиться через сотни лет, — я знаю прошлое, настоящее и будущее.

Земля есть часть мира — больше того, она его центр.

Очевидное следствие — география тоже должна быть математической.

Картография всегда точнее страноведения.

Отсюда "Географическое руководство". Восемь книг, двадцать семь карт, координаты более восьми тысяч городов. Теперь я знаю, где они находятся сегодня, — я знаю настоящее; однако их прошлое и будущее недоступны математике, поэтому эта часть знания остается скрытой от меня.

Я живу в Канопе, в дельте Нила, на берегу Внутреннего моря, наблюдая, как светила поднимаются над черной пустыней и опускаются в темные воды. Я измеряю ход звезд и планет, делаю записи и провожу триго-

нометрические расчеты. Днем я хожу в библиотеку; среди колонн прохладно, папирусы шуршат в моих руках, и старинные тексты соединяются с вчерашними цифрами, открывая частички мироздания.

Вот так понемногу я сложил из них весь мир.

Клаудиус Птолемей из Александрии
Декабря 24-го года 901-го от основания Рима

* * *

Что видит джазовый музыкант, когда играет? Он видит страну, освещенную мягким светом японских напольных ламп, где жители прогуливаются по берегу темной реки; по реке ходит старенький пароходик, который подолгу стоит у причала, ожидая пассажиров, а потом отчаливает и исчезает в темноте; на пароходике без перерыва играет музыка, ее исполняет небольшой оркестр, состоящий из пианиста, саксофониста, контрабасиста и барабанщика; в этой стране все всегда живы, включая тех, кто уже умер, и пароходик перевозит умерших на другой берег, который нельзя увидеть отсюда, возвращаясь обратно порожняком; оркестранты так же знамениты, как футболисты в другом, более привычном для нас мире, у них огромные зарплаты, шикарные дома, длинные автомобили, маленькие самолеты и все остальное, что только можно себе представить, их знают все, от детей до стариков, и когда кому-то

Что видит джазовый музыкант, когда играет?

Он видит страну, освещенную мягким светом японских напольных ламп, где жители прогуливаются по берегу темной реки; по реке ходит старенький пароходик, который подолгу стоит у причала, ожидая пассажиров, а потом отчаливает и исчезает в темноте; на пароходике без перерыва играет музыка, ее исполняет небольшой оркестр, состоящий из пианиста, саксофониста, контрабасиста и барабанщика; в этой стране все всегда живы, включая тех, кто уже умер, и пароходик перевозит умерших на другой берег, который нельзя увидеть отсюда, возвращаясь обратно порожняком; оркестранты так же знамениты, как футболисты в другом, более привычном для нас мире, у них огромные зарплаты, шикарные дома, длинные автомобили, маленькие самолеты и все остальное, что только можно себе представить, их знают все, от детей до стариков, и когда кому-

то случается оказаться рядом с ними, остается только раскрыть рот и замереть в изумлении, — хотя самые бойкие иногда забывают обо всем и осмеливаются попросить у них автограф; вдоль берега реки тянутся плоские крыши ресторанов; у воды расставлены столы, за которыми сидят люди; иногда кто-то из сидящих встает и идет к пристани, где его уже ждет пароходик; чаще всего это пожилые люди и старики, но бывает, что и молодежь, и даже дети; этот кто-то недолго стоит у воды, потом поднимается по сходням на борт и останавливается у релингов, глядя на оставшийся внизу берег; пароходик бесшумно отваливает и исчезает во мгле, навсегда увозя с собой пассажиров; не было случая, чтобы кто-то из них возвратился, но мы знаем, что все они где-то рядом, там, на другом берегу, что все они с нами, пока звучит музыка. Оркестранты всегда исполняют ту же мелодию, которую играет музыкант в данный момент, и он знает, что никогда не сможет остановиться, потому что это он, трое его спутников, он и больше никто, кто не дает тем, кто ушел, и тем, кто еще здесь, навсегда остаться друг без друга; он знает, что никогда не сможет остановиться, и играет без перерыва, и видит перед собой погруженную в полумрак страну, тусклый свет ламп и себя, играющего на открытой палубе маленького пароходика над самой серединой течения.

* * *

Я зашел в бар; Джек уже ждал меня в перевернутой бутылке над стойкой; я кивнул ему с порога, и он ответил мне золотистой улыбкой; я сел за стойку, и через минуту он уже плескался передо мной в тяжелом округлом стакане, наполненном кубиками льда, — Джек знал, что из всех звуков я больше всего любил тот, с которым лед раскалывается в наполняемом виски стакане, и как настоящий друг то и дело откалывал от кубиков по кусочку, чтобы доставить мне удовольствие; я поднял стакан над столом и несколько раз качнул плавным движением, а потом поднес к лицу, чтобы ощутить знакомый запах; Джек блеснул в желтом свете ламп, коснулся моих губ и увел за собой, не обращая внимания на остальных.

Я шел по пустынной местности, залитой золотым сиянием Джека; поросшая редким кустарником равнина уходила к горизонту, на котором поднимались горы; солнца не было, и ровный свет неярко освещал пейзаж, как на картинах ван Рейсдаля; я не знал, где нахожусь, но мне было хорошо известно, в какую сторону двигаться; я шел к горам, и дорога тянулась у меня под ногами белой лентой *escalier roulant*, разворачиваясь с каждым глотком; я прошел немного, и характер местности изменился;

Я зашел в бар. Джек уже ждал меня в перевернутой бутылке над стойкой; я кивнул ему с порога,
 улыбаясь, и через минуту он уже плескался
 и он ответил мне золотистой
 передо мной в тяжелом округлом стакане, наполненном кубиками льда. Джек знал, что из
 всех звуков я больше всего любил тот, с
 которым лед рассыпается в наполненном

вдали показались холмы, кустарник стал густым, появились невысокие деревья, и свет из золотистого превратился в бледно-желтый; это Джонни, шепнул мне на ухо Джек, и действительно, Джонни уже переливался всеми оттенками ранней осени прямо перед моим глазами на том месте, где только что был Джек. Я глотнул, и Джонни тотчас же протянул мне руку, похлопал по плечу и повел дальше. Теперь дорога шла вверх, петляя между холмами; склоны становились круче, иногда превращаясь в обрывы, у основания которых бежали ручьи, но идти было легко — я то и дело потягивал Джонни, а он в ответ тянул меня за собой. Дорога сделала очередной поворот, и я остановился: у моих ног расстилась широкая равнина, на которую привел меня Джек, а вправо уходил узкий гребень, по другую сторону которого начиналась осыпь, и Джонни заливал все пространство своим ровным бледно-желтым цветом. Я постоял немного над обрывом, пронизанный неожиданным ощущением счастья, потом допил стакан и пошел к осыпи. По другую ее сторону возвышался остроконечный пик, выше которого не было ничего вокруг, и я решил, что смогу на него взобраться, если спущусь по осыпи и потом поднимусь по тропинке, начинающейся прямо от застывшей в ущелье груды камней. Я сделал глоток

и начал спускаться; идти было тяжело, ноги проваливались в гравий, который то и дело просаживался подо мной; когда я наконец добрался до камней, бледно-желтый свет, который все время освещал мне дорогу, слегка потускнел; пейзаж потерял четкость очертаний, и линия гор растворилась в дрожащем воздухе, слившись с висящими над ней облаками. Я глотнул еще немного Джонни, но свет так и остался тусклым; я выплеснул остатки, налил на два пальца Джека и выпил залпом, но и старина Джек отчего-то не захотел мне помочь — тени камней исчезли, расплылись абрисы скал, и я потерял тропинку из виду. Пик нависал надо мной черным изломом в темнеющем небе; я огляделся — стены ущелья уходили вверх, воздух был ледяным, и нигде не было видно ни Джонни, ни Джека, — махнул рукой и начал подниматься по крутому склону. Тропинки не было; сырые валуны громоздились вокруг, не давая прохода, и мне приходилось то и дело подтягиваться на руках, ползти на животе и карабкаться на четвереньках, чтобы обогнуть их и подняться немного выше. Быстро темнело, и я уже не всегда видел, куда ставлю ногу; темная пропасть несколько раз мелькнула в просветах справа от меня, и когда я поскользнулся на мокром скате, изогнулся над склоном и потерял равновесие, она тут же прыгнула мне навстречу, вцепилась в мое лицо и непреодолимо потянула вниз; я попытался оттолкнуть ее, позвать Джонни и Джека, но золотистый свет исчез, лед растаял, и в стакане осталась какая-то безвкусная дрянь; я падал вниз, и Джек уже ничем не мог мне помочь, хоть и был рядом; он молча покачивался перед моим лицом и только смотрел, как я быстро приближаюсь к камням, как бесшумно врезаюсь в них, как части моего тела разлетаются вокруг маленькими пятнами, едва заметными со стороны, и как я исчезаю над незнакомой местностью, навсегда растворяясь в беззвездном пространстве.

